

В ОТДЕЛ ПЕЧАТИ ЦК ВКП/б/

Тов. ТАЛЮ и тов. ЮДИНУ

Копия Фрунзенский Райком ВКП/б/

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

В начале июня мною был передан Зав.Отделом Печати тов. Талю материал обследования органа Института Истории Комкадемии "История пролетариата СССР", произведенного комиссией парткома Института Истории, под руководством тов.Фролова, а также статьи, на которые ссылается этот документ. Я просила тов.Талю рассмотреть этот материал по существу, поскольку я, будучи ответственным редактором "Истории пролетариата СССР", несу полную политическую ответственность за содержание и направление этого журнала. Я сделала это еще и потому что выводы, записанные тов.Фроловым, были сформулированы так, что вступать в их обсуждение или какие бы то ни было об"яснения в пределах парткома Института Истории, поскольку эти выводы поддерживались ~~секретарем парткома тов.Фрумкиной~~ секретарем парткома тов.Фрумкиной, я не имела никакой возможности, тем более, что выводы комиссии тов.Фролова пошли много дальше того факта, который до них и без них установил НКВД, а именно: что работавшие в Институте и журнале бывшие научные сотрудники Анатольев, Парадизов и Зельцер оказались контрреволюционными двурушниками.

Комиссия тов.Фролова поставила себе ~~другую~~ задачу, доказать, что это были не только контрреволюционные двурушники, которые ^{на словах} ~~успокаивали~~ как будто защищали линию партии, что

бы за этим прикрытием создавать свою контрреволюционную группировку, но что они в течение ряда лет выступали с открытой контрреволюционной пропагандой, а я предоставляла им трибуну и чуть ли не создавала для них организационную и материальную базу. Моя вина изображается не только в том, что я /как и ^{Фролов} не сумела распознать и разоблачить хорошо замаскированных мерзавцев, бывших ряд лет в партийном руководстве Института Истории, но и в том, что я, якобы, не заметила и пропускала протаскивание троцкистско-меньшевистской контрабанды.

Именно в связи с этим обвинением, особый смысл получает записанное тов. Фроловым обвинение редакции в том, что она выдала Анатолеву аванс "за неделю до ареста" /будет ~~жалко выдана ему аванс за неделю до ареста~~ и наперед выданы авансы за неделю до ареста/. И, наконец, записанное тов. Фроловым в протокол общего партсобрания Института Истории Комкадемии от 16-го июня утверждение, что эта группа считалась "панкратовской группой", которую она всячески выдвигала и поддерживала".

И уж не говорю о том, что тов. Фролов, как член партии, обязан был на чистке или после нее, в особенности после ареста контрреволюционных двурушников, довести об этом до сведения партийных организаций /в том числе и моей, где я выступала несколько раз, в связи с тем, что в "Истории Пролетариата" работали оказавшиеся контрреволюционными двурушниками научные сотрудники Института/. Он же ограничился тем, что через пять месяцев назвал вынесенное моей организацией партвызыскание /поставить на вид/"либеральным".

- 3 -

И наконец, разве тов. Фролов - такой политический младенец, что он не понимает смысла всех этих своих утверждений, результатом которых должно быть привлечение меня не только к партийной ответственности?

Обвинения члена партии, в отношении которого до сих пор не было ничего его порочащего, в том, что он вместе с арестованными двурушниками составлял какую-то "панкратовскую группу" /^{вероятно, вместо} ~~аппаратом~~ "группы" Невского!, что этот член партии пропускал и покрывал открытое протаскивание троцкистско-меньшевистских взглядов этих двурушников, что он их финансировал /даже незадолго до ареста/, настолько чудовищны, что непонятно, какое право имели т.т. Фролов, Кин и Фрумкина не принять экстренных решений и не дать им хода? Иначе можно думать, что они сами не верят в то, что написали. Эти утверждения кажутся особенно непонятными в свете совершенно недопустимых, антипартийных методов принятой в отношении меня проработки.

Тов. Фрумкина использует выступление тов. Стецкого на районном активе, понимая его, как она сама заявила в своем докладе на общем собрании, а также мне и тов. Юдину, как сигнал для моей политической проработки, хотя тов. Стецкий не только не упоминал моего имени, но и не имел для этого основания, так как я ни разу не обращалась ни к тов. Стецкому, ни в Райком и вообще никуда с апелляциями на вынесенное мне партвысказание.

Тов. Фролов использует выступление тов. Юдина, вписывая его слова, сказанные 23 июня, в свое выступление от 16 июня пользуясь тем, что он был секретарем и писал протокол через несколько дней после собрания.

В этот же протокол тов. Фролов вписал и свои утвержде-

13 об

ния насчет "панкратовской группы", ибо, по утверждению присутствовавших на партийном собрании товарищей, этой формулировки он в своем устном выступлении не делал.

Тов. Ломакин, солидаризировавшийся по всем "шести пунктам" обвинений, сформулированных тов. Фроловым, говорит о "корешках группы Анатольева".

Все мои личные, откровенные беседы с т.т. Фрумкиной и Фроловым, с целью выяснить, чего же от меня товарищи хотят, или мои нервные реплики /с т.т. Ломакиным и Дроздовым/ немедленно в извращенном виде становились всеобщим достоянием и предметом специального обсуждения.

В отношении меня все более нагромождаются самые дикие обвинения в роде того, что я "вельможа", что я не люблю самокритики, что я спекулирую именами руководящих товарищей и т.д. и т.п. К этому можно прибавить и такие факты, что все выступления против меня происходили заочно, что мне не была показана /до сих пор/ ни одна резолюция, в которой упоминается мое имя.

Таким образом, начиная с февраля месяца, в разгаре работы над учебником, который как будто становится в центре внимания Института, вокруг меня создается все более и более напряженная атмосфера, которая нашла свое отражение и в результатах "обследований" т.т. Фролова, Кина и др.

Само по себе это мероприятие я считаю абсолютно правильным и необходимым. Лично я еще в феврале месяце, когда узнала об аресте Анатольева, Парадизова и Зельцера, немедленно пересмотрела их статьи, чтобы убедиться, не удалось ли в какой-нибудь мере им протащить антипартийные взгляды в каких-нибудь статьях. Я отметила целый ряд формулировок и установок за истекшие 5 лет, которые теперь я бы не про-

пустила /особенно, это относится к ранним статьям/, кото-
 рые должны были выразить политический остроту, а также,
 по крайней мере, глубокую критику в отношении некоего
 коммуниста, разумеется, именуемого было значительно меньше, что
 личная и общественная жизнь коммуниста, и все же, в
 том не менее, и в отношении помещенных статей в течение
 года я не нашла ни какой критики со стороны меньшевистской контра-
 банды. До сих пор никто и никогда не указывал нам на серьез-
 ные политические ошибки в журнале. Почти все статьи, кроме
 членов редакции, давались на отзыв многим товарищам как в
 Институте, так и вне его. ~~В институте и вне его~~ нас бы-
 ли постоянные рецензенты, просматривавшие все наиболее от-
 ответственные статьи, особенно в связи с юбилеями Маркса и
 Ленина. Никаких замечаний и указаний за все годы не дела-
 лось нам ни в Главлите, ни в печати, ни со стороны партий-
 ной и научной общественности, хотя наши сборники использо-
 вались преимущественно квалифицированными преподавателями
 коммунистами. Не случайно, что само обследование комис-
 сии тов. Фролова не привело ни одной статьи и ни одной
цитаты, на основании которых можно было бы сделать вывод
 о протаскивании трокистско-меньшевистской контрабанды.
 И тем не менее тов. Фролов такой вывод сделал. В свете фак-
 тов, изложенных в начале этой записки, ~~и как бы то ни было~~
 невольно возникает сомнение насчет объективности обследо-
 вания, произведенного и сформулированного тов. Фроловым. Обра-
 щает на себя внимание и методы работы комиссии тов. Фролова.
 Обследование проходило в глубокой тайне от меня и произво-
 дилось три раза, в соответствии с чем появилось три докумен-
 та: письмо тов. Фролова тов. Фрумкиной, выводы обследования
 журнала и "дополнительный материал". О том, что есть реше-

1406

- 6 -

ние обследовать журнал, что имеется комиссия, которая работает, я узнала случайно /кажется, в апреле/ и запросила об этом тов. Фрумкину. Тогда ко мне пришли т.т. Фрумкина, Фролов и Чаадаева и сообщили "первые результаты".

Первая записка тов. Фролова мне показана не была. Когда я позже сказала об этом тов. Фрумкиной она заявила, что вообще письмо Фролова попало ко мне по ошибке.

Вторая "докладная записка о результатах обследования" была мне показана также после того, когда о ней уже знали и говорили многие товарищи, а т.т. Кин и Кривошеина даже выступали уже на партийных собраниях. Когда я спросила тов. Фрумкину в редакции "Борьбы Классов" почему она мне не показывает выводов обследования, она мне ответила, что еще "не все готово". В конце мая или начале июня я, наконец, прочла докладную записку и была настолько поражена огульностью обвинений и выводов, что немедленно заявила об этом тов. Фрумкиной, указав ей на недостаточность материалов для подобных выводов. Каково же было мое удивление, когда после этого в случайном разговоре с тов. Дроздовым я узнала, что готовится еще новая записка. Видимо, тов. Фрумкина сама убедилась в недостаточности представленного комиссией тов. Фролова материала и дала срочное задание т.т. Кину и Кривошеиной проработать другие статьи, в частности мои и Чаадаевой. К этому следует добавить, что одновременно тов. Фрумкина просила Райком не утверждать мне партвзыскания от 5 марта пока не будут даны дополнительные материалы.

Таким образом, весь ход обследования журнала с февраля или марта и по конец июня был таков, что я находилась и нахожусь по сей день в непрерывном нервном возбуждении, ----- тяжело сказавшемся на моем здоровье и на моей работе, кото-

- 7 -

рую я несла все время с огромной перегрузкой. Такова была обстановка обследования, продолжавшегося несколько месяцев. Каковы же результаты обследования?

Прежде всего я должна сразу указать на одно обстоятельство, которое делает мое положение чрезвычайно тяжелым и вследствие которого я до сих пор нигде и ни в какой форме не позволила себе разбирать как статьи в журнале, так и выводы обследования тов. Фролова. Это то объективное обстоятельство, что возражения по существу против, по моему, неправильных выводов и методов обследования комиссии тов. Фролова могли быть истолкованы в какой-то мере, как защита работ презренных двурушников. При этом я все же считаю необходимым указать на одно обстоятельство, которое по иному освещает самый серьезный пункт обвинения, т.е. факт их активного участия в нашем журнале.

Дело в том, что "История пролетариата" не является массовым журналом, а научными сборниками, сотрудничать в которых обязаны были научные сотрудники Института по этой специальности, в порядке выполнения производственных планов Института. В сборниках помещались поэтому в обязательном порядке отдельные главы и переработанные доклады Анатольева и других, поскольку они являлись научными сотрудниками Института очень часто в порядке производственных заданий Дирекции. Что касается Цевского, то он еще в 1930г. при М.Н.Покровском был утвержден ЦК ВКП/б/ членом редколлегии журнала. На заседаниях редакции он бывал крайне редко /за последние 2-3 года только 2 раза/, статьи же прислал и очень не любил, чтобы мы их исправляли, что приходилось делать нередко. Поэтому отношения редакции с Цевским были все время довольно напряженными.

15 об

ными.

Основным обвинением со стороны комиссии тов. Фролов ~~является~~ утверждение, что журнал служил трибуной для протаскивания троцкистско-меньшевистской контрабанды. Главным доказательством этого тов. Фролов видит в недостатке цитат из Ленина и Сталина в статьях Зельцера и других. Я считаю вообще недопустимым в определении идеологической выдержанности работы становиться на путь подсчета цитат, как это делают т. г. Кин и Фролов. Особенно же я считаю позорным допускаемые комиссией сравнения вроде такого: "В статье Зельцера { "Ленин о промышленном перевороте в 4-50 г.г."}, имеющей 169 ссылок, на долю работ Сталина приходится только 3 ссылки, а на долю печатных работ самого Зельцера 8, Парадизова 3, Цевского 2". Неужели тов. Фролов думает, что если бы Зельцер свою работу о промышленном перевороте в России 40-50 г.г. включил бы не 3, а много цитат из Сталина о социалистической реконструкции, то этим самым для него Зельцер перестал бы быть контрреволюционным двурушником? ~~Вот если бы~~ тов. Фролов ^{должен был} разобрать ~~эти~~ и другие статьи по существу, ~~если бы они~~ ^{показали} политически и исторически неверные концепции, ~~если бы они~~ ^{привели} положения или хотя бы цитаты, характеризующие протаскивание антиленинских взглядов. ~~Тогда~~ он мог бы говорить о трибуне для троцкистско-меньшевистской контрабанды. Но тов. Фролов идет либо по линии подсчета цитат, либо по линии таких требований, которые в партийно-научном отношении нельзя признать целесообразными. Так например, тов. Фролов требует, чтобы в статьях, посвященных высказываниям Ленина и Маркса о рабочем движении в России в 60-70 г.г. давалось ~~о~~ квалификация троцкизма, как контрреволюционного течения и передового отряда международной контрреволюции, разоблачалась роль Каменева и Зиновьева,

- 9 -

освещалась роль тов. Сталина, как вождя нашей партии и международного пролетариата". Не думаю, чтобы на основании подобного обследования можно было сделать заключение, что редакция допускала протаскивание контрреволюционной пропаганды.

Что же дает "дополнительно" обследование? Еще меньше, чем основное. Там хоть совершенно верно вскрыто и показано то, что нам не бросалось раньше в глаза - при помещении статей в разные годы, а именно, что контрреволюционные двурушники, работая приблизительно в рамках одной эпохи - 40-60г.г. довольно часто друг на друга ссылались и друг друга рекламировали, используя журнал для укрепления своего научного авторитета и, видимо, для прикрытия своей контрреволюционной работы. Я об этом говорила во всех своих выступлениях. Кроме того, еще в феврале я написала передовую статью в № I "Истории пролетариата", указав на недостаточную бдительность редакции, не сумевшей распознать и разоблачить этой контрреволюционной группы.

Какой же смысл имеет третий документ под названием "дополнительный материал", в котором разбору подвергаются статьи мои, Чаадаевой и других? Даже самое беглое ознакомление с содержанием этого документа и параллельного ознакомления с содержанием статей не может не вызвать самого решительного протеста. Возьмем метод разбора статей. Берется передовая на тему: "Письмо тов. Сталина и задачи изучения истории пролетариата". Эта статья, помещенная в I 93 I г., явилась результатом немедленного отклика на указания тов. Сталина. Вся статья остро и конкретно ставит вопрос о большевистской партийности в исторической науке, разоблачает тредюнионистские, меньшевистские, троцкистские установки в литературе по истории про-

1606

летариата, специально разоблачает меньшевистские факции в истории профдвижения и т.п. В заключение на ряд конкретных проблем для изучения, вытекающих из тематики журнала. Бригада же тов. Кривошейной игнорирует все содержание статьи и требует освещения всех вышеперечисленных моментов. Из намеченных конкретных проблем она берет третью / "исторический анализ тех оппортунистических уклонов и враждебных рабочему классу идеологических влияний, с которыми непримиримо боролся большевизм" / и на том основании, что эта проблема названа не первой делает выводы: 1/ об академическом характере статьи и журнала, 2/ о непонимании писем тов. Сталина и 3/ об отсутствии постановки задачи показа руководящей роли партии. Аналогичен "разбор" и других статей. В частности, статья тов. Чаадаевой, показывающая, как партия вооружает рабочих, объявляется недостаточно политически заостренной, не показывающей роли партии в борьбе за вооружение пролетариата. И еще пример: рецензент пишет, что в статьях Рожковой и Гайсиновича указывается, что состав рабочих на Трехгорке был преимущественно крестьянский и женский. Значит, делает вывод исследователь, "все это ведет к созданию впечатления о крестьянском характере революции". Как, почему, откуда? Неизвестно. Просто "впечатление", ибо ничего подобного, хотя бы отдаленно, в статьях нет. И мудрено-ли, что на основании таких "впечатлений" исследователи делают вывод о недостаточной политической заостренности журнала. Журнал по истории пролетариата СССР, тематика которого была строго определена и утверждена ЦК, обвиняется в том, что в нем нет статей на историко-партийные темы, / которыми занимается "Пролетарская Революция" /, что в нем нет